

Н.Е. Таркан

ТОПОС МОСКВЫ В ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Москва в поэтическом мире Мандельштама представлена более скупо, чем петербургский топос. Но и здесь поэт создает свою особенную городскую элегию, в которой взаимопроникают друг в друга образы современности и истории. Москва при всей ее кажущейся провинциальности и осязаемости оказывается способной аккумулировать в себе различные грани времени.

Так, в топосе современной Москвы могут "звучать" приметы античности. Тому подтверждение – стихотворение "Когда в теплой ночи замирает..." Белый стих придает строке длительность и раздолжность античных творений: "Когда в теплой ночи замирает/ Лихорадочный форум Москвы/ И театров широкие зевы/ Возвращают толпу площадям –/ Протекает по улицам пыльным/ Оживление ночных похорон,/ Льются мрачно-веселые толпы/ Из каких-то божественных недр" [1, с. 49]. Происходит совершенно незаметная замена современности на давно ушедшее, ставшее частью истории время. Это находит отражение в метафорическом соотношении образа театра с божественными недрами.

Ощущение разомкнутости пространств и времен преодолевается синхронным рассмотрением локусов Москвы и античного Геркуланума в их взаимосвязи: "И как новый встает Геркуланум,/ Спящий город в сияньи луны:/ И убого рынка лачуги,/ И могучий дорический ствол!" [1, с. 40]. Возрождение Геркуланума, его проецирование на современность утверждает единство топоса и хроноса в объективном бытии.

Подобное взаимопроникновение современности и истории наблюдается в стихотворении о Москве "На развалнях, уложенных соломой". Объективное бытописание ("А в Угличе играют дети в бабки/ И пахнет хлеб, оставленный в печи./ По улицам меня везут без шапки,/ И теплятся в часовне три свечи" [1, с. 39]) уступает место иному времени и иному пространству. Дорога, по которой прокладывается маршрут от одного локуса пространства к другому, обуславливает возникнове-

ние в прапамяти героя образа той же дороги, но затерявшейся в глубины веков: "Сырая даль от птичьих стай чернела, / И связанные руки за- текли; / Царевича везут, немеет страшно тело — / И рыжую солому подожгли" [1, с. 39]. Резкий скачок в далекое прошлое самим героем (а он является современником Мандельштама) никак не отмечен. Более того, это событие воспринимается им как происходящее в настоящем и объясняется с позиций настоящего времени.

Таким образом, на топосе Москвы в поэтическом мире Мандельштама лежит печать вечности. Как и Петербург-Акрополь, Москва-Геркуланум осмысливается в единстве настоящего и прошедшего.

Литература

1. *Мандельштам, О. Стихотворения / О. Мандельштам.* — М., 1992.